

DOI 10.15393/j9.art.2015.3341

УДК 821.161.1.09“18”-3

Наталья Александровна Тарасова*Институт русской литературы**(Пушкинский Дом) РАН**(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

nsova74@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В РОМАННОМ СЮЖЕТЕ: к проблеме интерпретации библейских цитат и аллюзий в романе Достоевского «Преступление и наказание»

Аннотация. Статья посвящена анализу исследовательских толкований библейского текста в романе «Преступление и наказание» Достоевского. В работе выделяются случаи разночтений в определении источников и характера функционирования библейских аллюзий и цитат в романном сюжете, исследуются причины этих разночтений, определяются критерии изучения библейского текста в творчестве Достоевского. Для более полного и точного понимания межтекстовых взаимосвязей необходимо исследование библейских интертекстов не только на текстуальном, но и на сюжетно-образном уровне, так как семантика тех или иных цитат и аллюзий в конечном счете определяется особенностями их включения в авторский текст и их взаимодействия с культурной традицией, представленной не только в библейском тексте, но в духовной литературе, а также в народном восприятии библейских сюжетов.

Ключевые слова: библейские цитаты и аллюзии, творчество Достоевского

В исследовательской литературе ставился вопрос о различных формах художественного осмысления евангельского слова. По мнению Т. Б. Лебедевой, «здесь и прямая цитация (“Воскресения Лазаря” в “Преступлении и наказании”, “Брака в Кане Галилейской” в “Братьях Карамазовых”) и перевод евангельского слова из первоначального контекста в новый, романный, связанный с конкретными переживаниями героя (история с купцом Скотобойниковым в “Подростке”), и создание ситуации-аналога евангельской притче (судьба Сони в “Преступлении и наказании”)», при этом «уровень осмысления евангельского слова характеризует у Достоевского степень нравственной зрелости героя.

Потребность прикосновения к Евангелию возникает у персонажей в процессе поисков собственной истины, собственного жизненного пути» [15, 90].

Н. В. Балашов отметил, что «почти все библейские тексты, имеющие концептуально важное для Достоевского значение, приводятся им в русском переводе», что объясняется художественной спецификой материала: «Если библейские цитаты в романах Достоевского становятся словом живого Бога, обращенным к героям повествования, — оно, это слово, должно, конечно, прозвучать на их же языке» [1, 12–14].

Функционирование евангельского текста определяется характеристиками образов и положений — по наблюдению С. Ф. Кузьминой, «ясности и простоте речи Зосимы и Тихона противопоставлены в словесной эстетике Достоевского сложность и непроясненность горячечно-бредовых идей Раскольникова до и после преступления, темнота высказываний Ставрогина и нелитературность его стиля в тексте его исповеди о насилии над ребенком (этот ряд может быть продолжен)» [14, 39–40]. Говоря о Раскольникове, С. Сальвестрони замечает, что этот персонаж наделен «языком сознательного рассуждения, которому удастся привести все к согласию благодаря упрощениям строгой и абстрактной логики, и языком, который через череду сновидений приводит к свету от желаний, идущих в ином направлении» [24, 32].

Центральное место занимает вопрос о библейских цитатах и аллюзиях, который рассматривается в работах Г. Ф. Коган, В. Е. Ветловской, П. Торопа, П. Г. Пустовойта, Г. А. Шестопаловой, Р. Л. Джексона, О. Меерсон, Е. Г. Новиковой, С. Сальвестрони, Н. Н. Епишева, И. Д. Якубович, Т. А. Касаткиной, Б. Н. Тихомирова, А. Л. Гумеровой, Н. Г. Михновец, С. С. Серопяна, К. Накамура, Л. В. Сыроватко и др. Подробная характеристика библейских интертекстов представлена в книге-комментарии к роману «Преступление и наказание» Б. Н. Тихомирова, а также в двухтомном московском издании «Евангелие Достоевского» [10–11], [27–28].

При изучении исследований на эту тему и сопоставлении точек зрения обнаружился случай *разночтений в толковании текста*. Рассмотрим примеры.

Заповедь «Не убий»

Роман «Преступление и наказание» называют «образным воплощением» данной библейской заповеди [22, 84], [17, 17]. Как указывает В. Е. Ветловская, совершенное Раскольниковым воспринимается как «страшный грех и преступление против Господа Бога, идущие вразрез (если пока оставить в стороне все остальное) с известными заповедями — “Не убий”, “Не укради” (шестая и восьмая заповеди из десяти, начинающихся словами: “Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии, разве Мене”). И тогда Раскольников оказывается носителем атеистической идеи, богоотступником, богоборцем» [5, 92]. И. Д. Якубович, имея в виду «Записки из Мертвого дома», замечает, что тема убийства в них, «связанная с ветхозаветным “Не убий” (Ис. 20:13; Второзак. 5:17), становится сквозной темой всего творчества Достоевского» [32, 46].

Обратим здесь внимание на то, что заповедь «не убий» одни исследователи соотносят с Новым Заветом, подчеркивая ее христианское значение, другие с Ветхим, указывая на ее происхождение, и ее следует понимать как библейскую, не только евангельскую, ибо Христос в Нагорной проповеди говорит о содержании ветхозаветного закона. В Толковой Библии Лопухина это комментируется так: «Заповедь “не убивай” повторена в законе несколько раз (Исх. XX, 13; XXI, 12; Лев. XXIV, 17; Втор. V, 17; XVII, 8) в различных выражениях; но слов: “кто же убьет, подлежит суду” — буквально не встречается в законе, если только не относить сюда Втор. XVII, 8. Можно думать, что здесь Спаситель или кратко изложил последнее из указанных мест, или же указал на толкование, которое присоединяли к заповеди “не убий” книжники»¹.

«Се человек»

Контекст цитаты: «Когда единокровная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) — прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека. — Ничего, милостивый государь, ничего! — поспешил он тотчас же, и по-видимому спокойно,

заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся сам хозяин. — Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем всё известно и всё тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! “Се человек!”².

Слова Мармеладова. Цитата из Евангелия от Иоанна, где эти слова принадлежат Пилату и обращены к первосвященникам после бичевания Иисуса Христа: «“Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!” (19:5; в церковнославянском переводе слов Пилата запятая, как и в тексте Достоевского, отсутствует). Буквальный смысл этих слов: вот этот человек, перед вами» [27, 69]. Б. Н. Тихомиров замечает, что «в романе мармеладовское “Се человек!” контрастно соотнесено с вопросом, которым мучается Раскольников: “вошь ли я, как все, или человек?” <...>. Слова Мармеладова, бесспорно, отзываются и в финале романа, характеризуя отношение Раскольникова к Соне: “...в ней искал он человека, когда ему понадобился человек” <...>» [27, 69].

Выражение «се человек» следует соотносить с ближайшим контекстом, в котором оно оказывается (см. выше): у Достоевского речь идет о грехе и недостойном положении дочери Мармеладова («по желтому билету пошла»), о пренебрежительном отношении к «падшим». С. С. Серопян считает, что слова Мармеладова соотносимы не столько с изречением Понтия Пилата, сколько с мотивами Страшного Суда, имеющими значение для исповеди Мармеладова. Исследователь отмечает связь этих строк с содержанием сочинения св. Тихона Задонского «Наставление или образец увещателям, како увещавати и преклоняти подсудимых к раскаянию и признанию», в котором о грешнике сказано: «Тогда он со стыдом услышит пред всем миром: се человек, и дела его!» [26, 164].

Но, при несомненной значимости темы греха в исповеди Мармеладова и словах о Соне, нельзя не учитывать первичную отсылку к Евангелию от Матфея: Е. Г. Новикова, связывая цитату «Се человек!» с образом Сони Мармеладовой, считает, что посредством этих строк в роман вводится «тема

земных страданий Богочеловека, которые станут для человека одновременно и указанием, и залогом грядущего спасения» [21, 95–96].

«...и всех рассудит и простит, и добрых и злых...»

Контекст цитаты: «И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!.. И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных...» (6, 21).

Слова Мармеладова, которые С. Сальвестрони считает «очевидной отсылкой к стиху из Евангелия от Луки, следующему за отрывком о благодати (“Но вы любите врагов ваших <...> и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к благодарным и злым” — Лк. 6:35)» [24, 29].

Р. Л. Джексон, называя речь Мармеладова «мощной поэмой в прозе, поэмой о любви, сострадании и прощении», замечает, что в ней «слышны отзвуки Евангелия от Луки 7:36—50» и «она являет собой антитезу гордому и мятежному гневу Раскольникова» [6, 153]. Речь идет об истории помазания ног Христа грешницей в доме фарисея, известные строки из нее: «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит» (Лк. 7:47).

К. Накамура проводит другую параллель с евангельским текстом: «Слушая эти рассуждения, невольно вспоминаешь притчу о мытаре (Евангелие от Луки, 18:<9–14>), который находил себя недостойным Бога, но был прощен, поскольку, по слову Христа, “всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится”. Эти слова и истолковывает в свою пользу Мармеладов. Прощение мытаря он соотносит с молитвой о спасении себя, человека недостойного» [20, 187].

Это разночтение в интерпретации текста заставляет признать, что не во всех случаях, когда речь идет о библейском подтексте, не имеющем в художественном произведении прямых лексических аналогий, их следует искать (из представленных трех трактовок более точной представляется вторая, принадлежащая Р. Л. Джексону). Вывод Джексона точнее потому, что учитывается в данном случае не прямое

лексическое соответствие романских речей тексту Нового Завета, а другой уровень повествования — тематический, на котором выделение темы милосердия к грешникам обусловило связь романа не только с евангельским текстом, но и с его книжным и народным восприятием.

Роль исповеди Мармеладова объясняется романной коллизией и темой преступления. С. И. Фудель писал о неслучайности появления уже на первых страницах произведения «великого монолога Мармеладова о Страшном суде и о прощении смиренных»: Достоевский тем самым показывает главному герою выход из теории, «смирняя его сначала через Мармеладова-отца, а потом, и окончательно, через его дочь» [31, 47–48].

Л. М. Лотман соотнесла содержание исповеди Мармеладова с *легендой о бражнике*; различие двух сюжетов, по ее мнению, состоит в том, что «герой Достоевского мечтает о воцарении правды, справедливости для всех людей и на все времена. Герой же повести XVII века помышляет лишь о своем личном вечном блаженстве» [16, 290].

Речь Мармеладова также связана с содержанием *апокрифа «Хождение Богородицы по мукам»* и *духовными стихами*, восходящими к нему, о чем писали Т. Б. Лебедева, В. А. Михнюкевич и др. Особенность развития темы заключается в том, что «картина “страшного суда”, которая в эсхатологических сочинениях завершает конец мира, отнесена в видение Мармеладова. Вопреки сложившейся традиции, она становится символом высшей гармонии, любви и примирения. Импульсы, идущие от нее, пронизывают весь роман, приглушают зловещую мелодию раскольниковского пророчества, сливаясь в эпилоге в гимн жизни и “воскресению”» [15, 98], [19, 84], [13, 241], [9, 91]. По мысли Т. В. Бузиной, «делая Христа милосердным и всепрощающим, Мармеладов не просто пытается оправдать себя и себе подобных, но и возвращает всем людям христианство милосердия и всепрощения, подавая надежду в будущем и слушающему его Раскольникову» [2, 272–273].

«Молитва» Раскольникова

Контекст цитаты: «Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе

его стало вдруг легко и мирно. “Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!”» (6, 50).

Слова Раскольникова называет молитвой В. Е. Ветловская, указывая источник этих строк — псалом 142: «Молитва Раскольникова: “Господи! <...> покажи мне путь мой...” повторяет слова псалма. Ср.: “Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою” (Псалт. 142:8). Просьба Раскольникова предполагает ответ, о котором герой пока не помышляет и который заключен в словах Христа: “Я есмь путь и истина и жизнь” (Иоан. 14:6)» [3, 84], см. также: [25, 10]. Б. Н. Тихомиров добавляет, что речь идет о покаянном псалме, и «в контексте романа в целом (см. эпизод чтения героями евангельского рассказа о воскрешении Лазаря) исключительно важно, что Раскольников безотчетно припоминает именно тот библейский текст, в котором псаломпевец утрату богообщения переживает как собственную смерть: “Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме, как давно умерших <...> дух мой изнемогает; не скрывай лица Твоего от меня, чтобы я не уподобился нисходящим в могилу. <...> Ради имени Твоего, Господи, оживи меня...” (Пс. 142:3, 7, 11)» [27, 115].

Н. Н. Епишев соотносит слова Раскольникова с текстом псалмов 24 и 118: «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим» (Пс. 24:4); «Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца» (Пс. 118:33). По мнению исследователя, слово «путь» — «один из сквозных образов Библии. Путь символизирует жизнь человека, характеризует ее как движение к самоосуществлению. <...> Выбор между добром и злом — это выбор пути, представляемый свободной воле человека» [9, 90–91]. Эти библейские смыслы имеют непосредственное отношение к характеристике духовного пути главного героя романа.

«...до сих пор говорили: “возлюби” ~ рвал кафтан пополам, делился с ближним...»

Контекст цитаты: «Если мне, например, до сих пор говорили: “возлюби”, и я возлюблял, то что из того выходило? — продолжал Петр Петрович, может быть с излишнею поспешностью, — выходило то, что я рвал кафтан пополам,

делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской поговорке: “Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь”. Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано» (6, 116).

Слова Лужина, являющиеся аллюзией на библейский текст. По мнению Б. Н. Тихомирова, Лужин «утрирует и окарикатуривает вторую “наибольшую” заповедь Христа: “...возлюби ближнего твоего, как самого себя”» (Мф. 22:39) [27, 155]. П. Тороп называет монолог Лужина «примером пастиша», когда герой «в качестве двойника Раскольникова обосновывает свою позицию, с одной стороны, развивая до крайности идеи, которые входили в теорию Раскольникова, с другой стороны, превращая в современную демагогию эпизод из Библии <...>» [29, 150]. Исследователь находит в этом эпизоде другие соответствия библейскому тексту: отсылкой к Библии стали «как слово “возлюби”, так и рассуждение о рваных и целых кафтанах, источником которого является сцена под крестом распятого Христа, где римские легионеры делили одежду Христа: “Хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий...”» (Ев. от Иоанна, 19:23–24)» [29, 150]. Однако прямая параллель именно с этим местом Нового Завета представляется не вполне обоснованной — в тексте Достоевского речь идет именно о необходимости делиться с ближним, поэтому точнее вывод В. Е. Ветловской о том, что в выражении «рвал кафтан пополам» прямого соответствия с текстом Священного Писания нет, но «заповедь делиться с ближним и последней вещью — в духе христианской проповеди любви» [4, 456].

Л. М. Розенблюм верно отмечает, что «любовь на языке Достоевского — понятие самое близкое к красоте. И это естественно. Любовь в самом широком и полном смысле, включая и любовь к врагам (Мф. 5:43–44), — главная заповедь Христа, которой в таком значении не было в Ветхом Завете и которая составляет душу Завета Нового» [23, 163]. Однако, по ее мысли, слова «красота» «нет в Евангелии» [23, 157]. Это

неточный вывод, обусловленный особенностями перевода евангельского текста на русский язык.

Впервые на это обращает внимание, говоря о «Преступлении и наказании», Г. А. Мейер, со ссылкой на статью С. Булгакова 1937 года. «Иуда Искариот Апостол-предатель», имея в виду сцену помазания Христа в Вифании, описанную в Евангелии от Матфея (26:1–13) и Марка (14:3–9): «Вот что говорится в Евангелии от Матфея в *принятом* переводе на русский язык: “Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидевши это ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? Она доброе дело сделала для Меня”. И далее, через два стиха: “Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет и о том, что она сделала”.

Отец С. Булгаков исправляет неточность, допущенную в переводе, и слова Христа приобретают иной оттенок: не “она доброе дело сделала для Меня”, а — “она дело красоты сделала для Меня”, сказано в подлиннике» [18, 87]. Г. А. Мейер считал, что «переводчики Евангелия на русский язык заменили “красоту” “добром”, очевидно, также из соображений моралистических. Но где водворяется голая моралистика, там нет ни религии, ни искусства» [18, 88]. Необходимо также объяснение, данное в наши дни С. М. Капилупи: «Но есть другие места Евангелия, где использовано слово “доброе”, но оно не вполне соответствует греческому оригиналу. “Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь” (Мф. 3, 10). “Вы — свет мира <...>. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф. 5, 14–16). “По плодам их узнаете их <...>. Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые” (Мф. 7, 16–17). Во всех таких местах греческое слово (“kalos”) было не “доброе”, а “красивое”: русский перевод еще раз опирается на латинскую версию» [12, 73].

Именно на латинскую версию ориентирован и перевод строк из сцены помазания Христа в Вифании (Мф. 26:10):

Др.-греч.	Лат.	Цслв.	Русск.
γνούς δὲ ὁ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτοῖς τί κόπους παρέχετε τῇ γυναίκί ἔργον γάρ καλὸν ἤργάσατο εἰς ἐμέ	Sciens autem Jesus ait illis: “Quid molesti estis mulieri? Opus enim bonum operata est in me;	Разумѣвъ же Иисусъ рече имъ: что труждаете жену? дѣло бо добрѡ содѣла о мнѣ:	Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня. ³

Спектр лексических значений в данном случае следующий:

Bonum — с лат.: 1) добро, благо, 2) польза, выгода, преимущество, 3) дарование, 4) имущество, состояние, достояние (на др.-греч. Ἀγαθωσύνη — благодать, доброта)⁴;

καλὸν — с др.-греч.: 1) красота, краса, украшение (βίου Eur.); 2) наслаждение, удовольствие, радость (τὰ τοῦ βίου καλὰ Her.); 3) (*только dat.*) удобное место: κείσθαι ἐν καλῷ τοῦ Κορινθιακοῦ κόλλου Χερ. быть (стратегически) выгодно расположенным в отношении Коринфского залива; ποῦ καθίζωμ' ἐν καλῷ; Arph. где мне сесть поудобнее?; 4) удобный момент (εἰς κ. ἤκεις Plat.): νῦν κ. ἐστὶν Arph. теперь наступило время, теперь пора; 5) прекрасный поступок, благородное деяние (τὰ καλὰ καὶ ἐπαινετά Arst.); 6) прекрасное, красота: τὸ καθ' αὐτὸ κ. Arst. прекрасное в себе, абсолютная красота; 7) нравственно прекрасное (οὐδὲν κ. κάγαθὸν εἶδέναι Plat.; πρὸς τὸ κ. ζῆν Arst.); 8) почетная должность, высокий пост: μηδενὸς τῶν καλῶν τυχεῖν Χερ. не допускаться к занятию высоких постов⁵.

Для Достоевского основным источником был Новый Завет на русском языке с вариантами «добро», «добрый», но писатель не мог не знать традицию, которая идеи Добра (Благости) и Красоты осмысливает в их синтезе: имеется в виду святоотеческая литература. О Боге как наивысшей Красоте писал, в частности, Дионисий Ареопагит, в сочинении «О Божественных именах» отметив, что «Добро воспевается священными богословами и как Прекрасное, и как Красота, и как Любовь, и как Возлюбленное» [7, 313].

Сам язык, точнее, характер функционирования языковых значений во взаимодействующих друг с другом языках и в определенном культурно-историческом сознании создает условия для синкретизма значений, позволяющих связать идеи Добра и Красоты. И именно в таком виде они отражаются во взглядах Достоевского на Христа как на идеал Красоты [8, 339] и важны для сюжета «Преступления и наказания», в котором тема красоты представлена как преодоление безобразного [30, 169] и восстановление образа Божия в человеке.

Итак, следует говорить о принципиально разных подходах к анализу романного текста. Безусловное значение имеют поиск и интерпретация текстуальных соответствий с библейским повествованием, тем более что именно в романе «Преступление и наказание» появляются обширные цитаты из Священного Писания. Вместе с тем не менее продуктивным оказывается толкование библейских интертекстов не только на текстуальном, но и на сюжетно-образном уровне, так как семантика тех или иных цитат и аллюзий в конечном счете определяется особенностями их включения в авторский текст и их взаимодействия с культурной традицией, представленной не только в библейском тексте, но и в духовной литературе (в том числе в агиографии), а также в народном восприятии библейских сюжетов. Разночтения в исследовательском толковании материала объясняются прежде всего этой причиной — новозаветная история о Христе включает в себе идеи, исключительно важные в целом для христианского учения и его обоснования и представленные в разных эпизодах евангельского сюжета на разных примерах, — отсюда многообразие исследовательских ассоциаций и аналогий с библейским текстом, когда ставится задача найти прямое лексическое соответствие. Однако именно в этом случае для полноты и точности интерпретации оказывается важен более широкий контекст — как библейский, так и историко-литературный.

Примечания

¹ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 11 т. / изд. преемников А. П. Лопухина. СПб., 1911. Т. 8. С. 93.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 14. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Библиотека Святых отцов и Учителей Церкви. Библия и комментарии к ней. Библия на пяти языках в параллельном изложении [Электронный ресурс] // Православный интернет-портал «Азбука веры». URL: <http://azbyka.ru/biblia/?Mt.26&crgl> (09.01.2015).

⁴ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 868.

⁵ Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий; под ред. чл.-корр. АН СССР проф. С. И. Соболевского. С приложением грамматики, составленной С. И. Соболевским. М., 1958. Т. 1. С. 135.

Список литературы

1. Балашов Н. В. Спор о русской Библии и Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 3—15.
2. Бузина Т. В. Духовные стихи о Страшном суде как стилистическая модель и идейный противовес монолога Мармеладова // Достоевский: дополнения к комментарию / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 2005. — С. 270—273.
3. Ветловская В. Е. «Арифметическая» теория Раскольникова // Достоевский и мировая культура. — СПб.: Серебряный век, 2000. — № 15. — С. 77—91.
4. Ветловская В. Е. Из комментария к произведениям Достоевского. 2 // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2010. — Т. 19. — С. 451—457.
5. Ветловская В. Е. Приемы идеологической полемики в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — Т. 12. — С. 78—98.
6. Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноكتюрны. — М.: Радикс, 1998. — 287 с.
7. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. 4.7 // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования / пер. Г. М. Прохорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 207—565.
8. Дудкин В. В. Достоевский и Евангелие от Иоанна // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. — С. 337—348.
9. Епишев Н. Духовные источники творческого вдохновения Ф. М. Достоевского. Псаломские мотивы в произведениях писателя // Достоевский и современность. — Великий Новгород, 2003. — С. 88—97.

10. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: в 2 т. — М.: Русский Миръ, 2010. — Т. 2. — С. 5–35.
11. Захаров В. Н. Тобольск, 1850: Обретение книги // Евангелие Достоевского: в 2 т. — М.: Русский Миръ, 2010. — Т. 1. — С. 643–646.
12. Капилупи С. М. «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. — СПб.: Алетейя, 2013. — 288 с.
13. Касаткина Т. А. Время, пространство, образ, имя, символика цвета, символическая деталь в «Преступлении и наказании». Комментарий // Достоевский: дополнения к комментарию / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 2005. — С. 236–269.
14. Кузьмина С. Ф. Тысячелетняя традиция восточнославянской книжной культуры: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и творчество Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 16. — С. 32–45.
15. Лебедева Т. Б. Образ Раскольникова в свете житийных ассоциаций // Проблемы реализма / под ред. проф. В. В. Гуры. — Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1976. — Вып. III. — С. 80–100.
16. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). — Л.: Наука, 1974. — 352 с.
17. Малягин В. Достоевский и Церковь // Ф. М. Достоевский и Православие. — М.: Отчий дом, 1997. — С. 9–30.
18. Мейер Г. А. Свет в ночи. (О «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. — Frankfurt a/M.: Посев, 1967. — 517 с.
19. Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1992. — Т. 10. — С. 77–89.
20. Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / перевод с японского А. Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 2011. — 400 с.
21. Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. — Томск: Изд-во ТГУ, 1999. — 254 с.
22. Пустовойт П. Г. Христианская образность в романах Ф. М. Достоевского // Русская литература XIX века и христианство / под общ. ред. В. И. Кулешова. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 82–90.
23. Розенблюм Л. М. «Красота спасет мир»: О «символе веры» Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. — 1991. — № 11/12. — С. 142–180.
24. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. — СПб.: Академический проект, 2001. — 187 с.

25. Серопян А. С. <Серопян С. С.> Литургическое слово в русской литературе. Постановка проблемы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. — С. 5–13.
26. Серопян С. С. «Преступление и наказание» как литургическая эпопея // Достоевский и мировая культура. — М.: Издатель С. Т. Корнеев, 2009. — № 25. — С. 158–177.
27. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. — СПб.: Серебряный век, 2005. — 460 с.
28. Тихомиров Б. Н. Отражения евангельского слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского: в 2 т. — М.: Русский Миръ, 2010. — Т. 2. — С. 63–469.
29. Тороп П. Поэтика чужого слова // Тороп П. Достоевский: История и идеология. — Тарту: Kirjastus, 1997. — С. 125–153.
30. Трофимов Е. А. О логистичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века / сост. и ред. К. Степанян. — М.: Классика плюс, 1996. — С. 167–188.
31. Фудель С. И. Наследство Достоевского / сост., подг. текста, комм. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной // Фудель С. И. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Русский путь, 2005. — Т. 3. — С. 7–176.
32. Якубович И. Д. Поэтика ветхозаветной цитаты и аллюзии у Достоевского: бытование и контекст // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 17. — С. 42–60.

Nataliya A. Tarasova

*The Institute of Russian Literature (The Pushkinskiy House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint-Petersburg, Russian Federation)
nsova74@mail.ru*

**PECULARITIES OF FUNCTIONING
OF THE BIBLICAL TEXT IN A NOVEL'S PLOT:
ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION
OF BIBLICAL QUOTATIONS AND ALLUSIONS
IN DOSTOEVSKY'S "CRIME AND PUNISHMENT"**

Abstract. This article analyzes the interpretations of biblical texts in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". It reveals the cases of ambiguity

in determining the sources and the character of functioning of biblical allusions and quotations in the novel's plot, examines the reasons for the textural discrepancies, and determines criteria for studying the biblical text in Dostoevsky's works. For a more complete and accurate understanding of intertextual relationships, it is important to study biblical intertexts not only on a textual but on plot and figurative levels too, as far as the semantics of certain quotations and allusions is ultimately determined by the characteristics of their insertion into the author's text and their interaction with the cultural tradition that is represented not only in the biblical text, but in spiritual literature and the folk perception of biblical stories as well.

Keywords: biblical quotations and allusions, Dostoevsky's works

References

1. Balashov N. V. Spor o russkoy Biblii i Dostoevskiy [The dispute about Russian Bible and Dostoevsky]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 3–15.
2. Buzina T. V. Dukhovnye stikhi o Strashnom sude kak stilisticheskaya model' i ideynny protivoves monologa Marmeladova [Spiritual poems about the Last Judgment as a stylistic model and ideological counterweight to the ideological monologue of Marmeladov]. *Dostoevskiy: dopolneniya k kommentariyu* [Dostoevsky: additions to the commentary]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 270–273.
3. Vetlovskaya V. E. «Arifmeticheskaya» teoriya Raskol'nikova [The “Arithmetic” theory of Raskolnikov]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and the world culture]. Saint-Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2000, vol. 15, pp. 77–91.
4. Vetlovskaya V. E. Iz kommentariya k proizvedeniyam Dostoevskogo. 2 [From the commentary to Dostoevsky's writings. 2]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 451–457.
5. Vetlovskaya V. E. Priemy ideologicheskoy polemiki v «Prestuplenii i nakazanii» Dostoevskogo [Techniques of ideological polemics in Dostoevsky's “Crime and punishment”]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 12, pp. 78–98.
6. Dzhekson R. L. *Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktyurny* [The Art of Dostoevsky. Deliriums and Nocturnes]. Moscow, Radiks Publ., 1998. 287 p.
7. Dionisiy Areopagit. O Bozhestvennykh imenakh. 4.7 [On the Divine Names. 4.7]. *Dionisiy Areopagit. Sochineniya. Maksim Ispovednik. Tolkovaniya* [Dionysius The Areopagite. Essays. Maximus The Confessor. Interpretations]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2002, pp. 207–565.

8. Dudkin V. V. Dostoevskiy i Evangelie ot Ioanna [Dostoevsky and the Gospel of John]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 1998. Vol. 5: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII-XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th-20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 2, pp. 337–348.
9. Epishev N. Dukhovnye istochniki tvorcheskogo vdokhnoveniya F. M. Dostoevskogo. Psalomskie motivy v proizvedeniyakh pisatelya [Spiritual sources of Dostoevsky's creative inspiration. The motives of the Psalms in the writer's works]. *Dostoevskiy i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity]. Velikiy Novgorod, 2003, pp. 88–97.
10. Zakharov V. N. Dostoevskiy i Evangelie [Dostoevsky and the Gospel]. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky in 2 vol.]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 5–35.
11. 11. Zakharov V. N. Tobol'sk, 1850: Obretenie knigi [Tobolsk, 1850. Uncovering of the book]. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky in 2 vol.]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 1, pp. 643–646.
12. Kapilupi S. M. «Tragicheskiy optimizm» khristianstva i problema spaseniya: F. M. Dostoevskiy ["The tragic optimism" of Christianity and the problem of salvation: Dostoevsky]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2013. 288 p.
13. Kasatkina T. A. Vremya, prostranstvo, obraz, imya, simbolika tsвета, simbolicheskaya detal' v «Prestuplenii i nakazanii». Kommentariy [Time, space, image, name, colour symbolism, a symbolic detail in "Crime and Punishment". The commentary]. *Dostoevskiy: dopolneniya k kommentariyu* [Dostoevsky: additions to the commentary]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 236–269.
14. Kuz'mina C. F. Tsyacheletnyaya traditsiya vostochnoslavvianskoy knizhnoy kul'tury: «Slovo o Zakone i Blagodati» mitropolita Ilariona i tvorchestvo Dostoevskogo [The millennial tradition of Eastern Slavic literary culture: "The Sermon on Law and Grace" by Metropolitan Hilarion and Dostoevsky's works]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 16, pp. 32–45.
15. Lebedeva T. B. Obraz Raskol'nikova v svete zhitinykh assotsiatsiy [The image of Raskolnikov in the context of the hagiographic associations]. *Problemy realizma* [The problems of realism]. Vologda, VSPi Publ., 1976, vol. III, pp. 80–100.
16. Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov XIX veka. (Istoki i esteticheskoe svoeobrazie)* [Realism of Russian literature in the sixties of the 19th century. (Origins and aesthetic originality)]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 352 p.

17. Malyagin V. Dostoevskiy i Tserkov' [Dostoevsky and Church]. *F. M. Dostoevskiy i Pravoslaviye* [Dostoevsky and Russian Orthodoxy]. Moscow, Otchiy dom Publ., 1997, pp. 9–30.
18. Meyer G. A. *Svet v nochi*. (O «*Prestuplenii i nakazanii*»): *Opyt medlennogo chteniya* [The light in the night. (About “Crime and punishment”): the Experience of slow reading]. Frankfurt a/M., Posev Publ., 1967. 517 p.
19. Mikhnyukevich V. A. Dukhovnye stikhi v sisteme poetiki Dostoevskogo [Spiritual poetry in the system of Dostoevsky's poetics]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 77–89.
20. Nakamura K. *Slovar' personazhey proizvedeniy F. M. Dostoevskogo* [Dictionary of the characters of Dostoevsky's works]. Saint-Petersburg, Giperion Publ., 2011. 400 p.
21. Novikova E. G. *Sofiynost' russkoy prozy vtoroy poloviny XIX veka: evangel'skiy tekst i khudozhestvennyy kontekst* [“Sophijnost” of the Russian prose in the second half of the 19th century: the Gospel text and artistic context]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999. 254 p.
22. Pustovoyt P. G. *Khristianskaya obraznost' v romanakh F. M. Dostoevskogo* [Christian imagery in the novels by Dostoevsky]. *Russkaya literatura XIX veka i khristianstvo* [Russian literature of 19 century and Christianity]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 82–90.
23. Rozenblyum L. M. «Krasota spaset mir»: O «simvole very» F. M. Dostoevskogo [“Beauty will save the world”: About the “creed” of Dostoevsky]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1991, no. 11/12, pp. 142–180.
24. Sal'vestroni S. *Bibleyskie i svyatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo* [Biblical and patristic sources of Dostoevsky's novels]. Saint-Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 2001. 187 p.
25. Seropyan A. S. <Seropyan S. S.> *Liturgicheskoe slovo v russkoy literature. Postanovka problemy* [A liturgical word in Russian literature. Setting of the problem]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2012. Vol. 10: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reminisentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th – 20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 7, pp. 5–13.
26. Seropyan S. S. «Prestuplenie i nakazanie» kak liturgicheskaya epopeya [“Crime and Punishment” as a liturgical epic]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and the world culture]. Moscow, S. T. Korneev Publ., 2009, vol. 25, pp. 158–177.
27. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge over there”. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” in modern interpretation: The commentary]. Saint-Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 460 p.

28. Tikhomirov B. N. Otrazheniya evangel'skogo slova v tekstakh Dostoevskogo. Materialy k kommentariyu [Reflections of the Gospel words in the texts of Dostoevsky. Materials to the commentary]. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky in 2 vol.]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 63–469.
29. Torop P. Poetika chuzhogo slova [The Poetics of another word]. *Dostoevskiy: Istoriya i ideologiya* [Dostoevsky: History and Ideology]. Tartu, Kirjastus Publ., 1997, pp. 125–153.
30. Trofimov E. A. O logistichnosti syuzheta i obrazov v romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [About consistency of the plot and images in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Dostoevskiy v kontse XX veka* [Dostoevsky in the context of the twentieth century]. Moscow, Klassika plyus Publ., 1996, pp. 167–188.
31. Fudel' S. I. Nasledstvo Dostoevskogo [The Legacy of Dostoevsky]. *Sobranie sochineniy: v 3 tomakh* [Collected works in 3 volumes]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2005, vol. 3, pp. 7–176.
32. Yakubovich I. D. Poetika vetkhozavetnoy tsitaty i allyuzii u Dostoevskogo: bytovanie i kontekst [The Poetics of Old Testament quotations and allusions in Dostoevsky's work: existence and context]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 17, pp. 42–60.

Дата поступления в редакцию: 30.06.2015